

* Встреча с интересным человеком

Олег Николаевич ЕФРЕМОВ,
народный артист СССР, главный режиссер Московского
Художественного академического театра (МХАТ СССР) им. Горького

Олегу Ефремову — шестьдесят. Трудно верить — молодость и энергия присущи были ему с первых шагов в искусстве и не покидают артиста по сей час. Как много раз покорял нас О. Ефремов «лицом необщим выраженьем», многогранностью таланта актера театра, кино, телевидения, отточенной и блестя-

щей режиссурой своих постановок. Стройный и подтянутый, с короткой стрижкой, с добрым лицом и сияющими глазами, поднимаясь он мне навстречу из-за рабочего стола в наспех обставленном кабинете, что смотрит окнами в проезд Художественного театра.

ХОДИТЕ В ТЕАТР МОЛОДЫМИ!

— Олег Николаевич, мы выкли уже видеть вас в новом здании МХАТа, что на Тверском бульваре. Что, это — временная ваша «штаб-квартира»?

— Напротив, теперь уже абсолютно постоянная. Вы видели, идя сюда, что строительные работы еще не закончены, и я присутствием своим здесь намерен их максимально ускорить и завершить в срок. Пусть поскорее зритель придет в любимое здание Художественного театра, которое знакомо многим поколениям наших людей.

— Первого октября вам исполнится шестьдесят...

— Юбилей свой отмечать не буду. Пусть этот праздник состоится немного в стенах...

— ?

— Скажу точнее: 27 октября нынешнего года. Именно в этот день в 1898 году открылся впервые Московский Художественный театр. Именно в этот день он открылся после реставрации, и это будет мой тоже праздник.

— Что нового, Олег Николаевич, мы увидим, перешагнув порог театра?

— Есть давнее выражение: театр начинается с вешалки. Если помните, гардероб театра дробился на многие части снизу доверху здания. Ныне мы, сохранив старые элементы, организовали новый большой гардероб внизу. Зритель увидит уникальное помещение с сохранением всей старой части. Реставраторы потрудились на совесть, сохранены эскизы Шехтеля, надписи на стенах...

— И чеховская чайка на занавесе?

— Разумеется. Я предупреждаю: в зале вольготно не будет, габариты кресел снижены, так что зрители будут, что называется, чувствовать локоть друг друга. Что ж, ведь театр — это демократичное дело. Вот, например, в Одесском оперном, отмечающем в эти дни свое 100-летие, первые пять рядов состоят из кресел, которые намного шире кресел в прочих рядах, — так велела «именитая» публика. В эти ряды и теперь считается престижно взять билет. А вот в Венском театре, копии Одесского, в первых трех рядах сидеть считается просто неприличным, и они пустуют.

— А закулисная часть?

— О, там все организовано по последнему слову техники. Появились плунжера, «карманы», сцена имеет несколько делений по горизонтали и по вертикали. Вращающийся круг сохранил в арьерсцене...

— Если не секрет, что увидят зрители в день открытия МХАТа?

— Каждый режиссер мечтает отметить торжественную дату в жизни страны, театра, естественно, премьерой. Не всегда нас в этом плане «выручают» наши уважаемые авторы. Но вот к 70-летию Великого Октября мы приняли новую пьесу драматурга Шатрова. А сезон наш откроется 27 октября комедией Рошина «Перламутровая Зинаида» — это первая наша премьера, два дня назад труппа театра ее приняла, несмотря на лимит времени.

— Олег Николаевич, через год у МХАТа юбилей, вновь памятная дата...

— Знаем о ней и готовимся. 90-летие нашего театра — ответственный рубеж. Строго говоря, начало новому театру, новаторскому театру, положили великие режиссеры Станиславский и Немирович-Данченко еще 27 июня 1897 года, а родной этого театра стало событие 27 июня 1898 года. Любопытно: в одной книге прочел, что в это

же самое время будущий великий поэт нашей революции и одновременно выдающийся театральный критик и деятель театра Александр Блок в подмосковном Боблове играет в любительском спектакле роль Гамлета и преклоняет колени перед Офелией — семнадцатилетней Любей Менделеевой... Кстати, пьесу Блока «Роза и Крест» Станиславский примет к постановке в Московском Художественном театре 20 лет спустя. К 90-летию МХАТа мы также подготовим премьеру, и в этом плане драматургия великого русского поэта меня очень привлекает.

— Вы коснулись в своем рассказе подмосковной Любимовки. Бывали ли вы там, и что предполагается сделать для увековечения памяти в Подмосковье о создателях МХАТа?

— Любимовка — наша совесть. Там сохранились усадьбные дома, в них теперь живут рабочие фабрики им. Бадаева. Мы стоим не просто за музей, хотя, конечно, должны быть мемориальные комнаты. Мы хотим создать в Любимовке любительский театр, сцену для молодых сил Москвы и Подмосковья, творческую базу МХАТа и Союза театральных деятелей.

— Олег Николаевич, всем нам памятен тот недавний день, когда обыденное заседание съезда ВТО было буквально взорвано вашим выступлением в духе революционного процесса перестройки, происходящего ныне в нашей стране. Тогда было принято ваше предложение об упразднении ВТО и о создании Союза театральных деятелей. А как вы мыслите развитие театра через ближайшие сто лет?

— На мой взгляд, должно превалировать искусство режиссуры. Театр в своем развитии сам должен решить свое направление, но роль и функция режиссера будут возрастать. Искусство актера — не главная материя театра, как это ни парадоксально звучит. Вы ведь согласитесь со мной в таком утверждении: актеры индивидуальны, иначе и быть не может. И чем ярче, самобытнее труппа, тем индивидуальнее каждый актер. Представляете, как трудно организовать такое сочетание несочетаемого и каким искусством, почти магией должен обладать режиссер. Развитие нашего театра должно идти в области выразительности, интеллектуальной насыщенности. Иным направлениям я не близок. Великий режиссер Всеволод Мейерхольд проповедовал метафору, прием, без которого нет живого искусства актера. Такими же были Станиславский и Немирович-Данченко. Я за искусство чистой режиссуры, за полемику в вопросах театра. Прямая задача — отстоять наше социалистическое направление в искусстве. На переднем плане должна быть живая память человеческого духа. Жажда иного театрального языка, способного передать не саму жизнь, а отношение художника к жизни, стремление раскрыть еще неведомые возможности театра, толкнули в свое время Мейерхольда к уходу из Московского Художественного театра на путь многообразных проб и эксперимента. Вообще я все чаще обращаюсь в мыслях к прошлому нашего театра. Одно временно с созданием МХТ Станиславскому пришла мысль об организации его филиала. Вот тогда-то он и пригласил Мейерхольда. Старейшая актриса нашего театра В. П. Веригина вспоминала, что тотчас после организации новая труппа во главе с Мейерхольдом переехала в подмосковное Пушкино. Между Пушкиным и Мамонтовой сняли сарай для репетиций на суконной фабрике Дюпюи. Видите, как тесно связан МХАТ с Подмосковьем.

— Хотелось бы, чтобы вы рассказали о своем, так сказать, идеале зрителя МХАТа, каким должен быть этот зритель?

— Знаете, я не люблю так называемого организованного зрителя. Это когда к театру подъезжает автобус, и проводится так называемое культурное мероприятие. Культурное мероприятие — это не театр. И нам организованный зритель не нужен. Не нравится мне также зритель, который использует некие личные связи, чтобы попасть в театр. Хочется сказать: граждане, покупайте билеты в кассе! Неприятен и «непринятен» для меня зритель, идущий в театр как в какое-то престижное учреждение, чтобы потом говорить знакомым: был-де во МХАТе, видел то-то. А что видел, он подчас и не помнит. Девиз театра — общедоступность. Нам нужен зритель, который прочувствовал театр от кассы до театрального разъезда, полный впечатлений от общения с искусством. Конечно, надо помогать попасть в театр рабочим коллективам, которым просто некогда стоять в очереди в кассу. Не умаляю я и роль МОТЗК, распространяющих билеты в различных районах вне театра. Но я говорю об идеальном зрителе... И еще хочу сказать об одном очень важном обстоятельстве: ходите в театр молодыми! Хочется видеть молодежь в театре, живой, горячий обмен суждениями. Только так можно воспитать нравственность настоящего и будущего. Я помню, какое тайное наслаждение испытывал в ранней юности, когда удавалось попасть в театр и, замерев, следить игру актеров с какого-нибудь «неудобного» места. Сложное, напряженное время, в котором мы все сейчас живем, должно найти сценическое отражение, но, как говорил В. И. Немирович-Данченко, «необходимо возвыситься над уровнем изображения обыденной жизни». И в этом наш зритель должен нам помогать.

— Значит, искусство и память создателей МХАТа будут жить в новой жизни старого театра?

(О. Н. Ефремов встает и подходит к окнам своего нового кабинета в третьем этаже, смотрящем в проезд Художественного театра).

— Вот тут, внизу, я хочу видеть скульптурные изображения Станиславского и Немировича-Данченко. Ну, как Островский сидит в кресле возле Малого театра... Чтобы наш зритель чувствовал преемственность славных традиций, и актеры тоже. И вообще, знаете, о чем я думаю? Как называется эта замечательная улица в Москве? Проезд Художественного театра. Стало быть, проезд этот должен принадлежать Художественному театру.

Сейчас зритель часто ездит на машинах. Где их тут ставить? Хотел снести это вот здание напротив, как раз бы образовалось место для стоянки. Но общественность решительно воспротивилась — теперь такое время, и справедливо: здание имеет историческую ценность. Тогда решили добиться «передачи» его в собственность нашего театра. Там можно будет вернуть театральные вернисажи. Поблизости — книжная Пушкинская лавка, против нее ничего не имею — Пушкин нам нужен всегда. Театральная кафе, магазин «Театральная книга»... Все это наше, и должно развиваться. Недалеко и театральная библиотека. Верю: проезд немногим времени, и весь проезд Художественного театра будет наш, первая в Москве театральная улица. Наверное, пешеходная. Тогда не надо будет думать, куда ставить машины...

Беседу вел
Г. БЛЮМИН.